

ЗЕМЛЯ И МОРЕ

Фантастический рассказ

*Нам дворцов заманчивые своды
Не заменяют никогда свободы!
Из популярной песни*

Дашу Громову, молодую работницу швейной фабрики, привёл в дельфинарий его хозяин – Михаил Аркадьевич Лубков. Ему сразу понравилась симпатичная, спортивного сложения девушка, регулярно посещающая бассейн во Дворце спорта. Сам он, заядлый купальщик, в недалёком прошлом чемпион по плаванию, с первого взгляда оценил умение девушки свободно держаться в воде, легко, красивыми взмахами передвигаться от края до края, сохранять улыбку и блеск в больших синих глазах. Вообще-то он предпочитал брать в свой бизнес только своих. Но, кроме Сергея, двоюродного брата, и его взрослой дочери; Матвея, дальнего родственника, других не нашлось, особенно для непосредственной работы с дельфинами. Вот и приглядывался, кого бы пригласить со стороны. Одного здесь же, в плавательном бассейне, нашёл, это Сашка, хороший, внушающий доверие парень, к тому же на своей машине, можно использовать для доставки рыбы – ежедневной еды дельфинов. Правда, был ещё старичок бухгалтер, тот совсем безобидный, рассчитает так, как тебе нужно. А вот к девушке, новой кандидатуре, недолго, но присматривался и, наконец, решился на разговор. Дождался, когда она, в хрустальных каплях воды, выберется наверх, побежал в раздевалку, замешкался и едва не упустил – догнал на автобусной остановке. Назвал себя, представился директором дельфинария, на полном серьёзе предложил великолепную, редкую, очень приятную работу. Даша смутилась, отступила на шаг: «Но я не нуждаюсь. Шью костюмы, мне нравится...» – «Настаивать не буду, но давайте хотя бы попробуем!» – попросил директор. Даша бесстрашно, с детдомовской закалкой, кивнула: «Ладно, где наша не пропадала! Попробуем».

На сверкающей легкой машине с открытым верхом, которая была припаркована возле Дворца спорта, они быстро добрались до дельфинария и по мраморным ступенькам стали подниматься в проходную. Навстречу директору выскочил лысый с шишковатым лицом мужчина в ярком цветастом пиджаке, просительно заговорил: «Михаил, не ругайся! Я и так, и сяк. Охранника отпустил, вышвырнуть некому...» – «Успокойся, Серёжа, сам вышвырну. А ты завязывай, опять от тебя несёт сивухой. Посетителей распугаешь!» – «Я немного, для храбрости. Не могу

вытолкать нахаля!» Речь шла о почти неприметном человеке в очках и кепочке, с увесистым металлическим чемоданом в руках. Увидев директора, он заволовался: «Я разгадал! Нужно убедиться, зафиксировать! Чрезвычайно важно!» – «А нам важно, – угрожающе ответил директор, – чтобы нам не мешали!» – «Это точно! – высунулась из кассы для посетитель раскрашенная девица. – Торчит с раннего утра, а платить не хочет». Даша заметила: посетитель не злой, никому не угрожает. Поинтересовалась у директора: «Если не секрет, в чём проблема?» – «Угадывает язык. Дельфины что-то бормочут, – усмехнулся директор, – а он угадывает!» – «Как интересно! – Дашины глаза засветились. – Если узнать, о чём дельфины говорят, это же сенсация!» – «И я о том же! – радостно подтвердил человек в кепочке. – А мне не верят. Я же не с улицы, у меня учёная степень. Я Антон Сёмин, позвоните в академию. Могу документы показать...» Директор слушает, хмурится, не знает, как быть. Даша и говорит – по-простому, весело: «Товарищ директор, это же находка! Реклама на весь мир. Радио, телевидение, кино!» – «Правда? Я и не подумал...» – «А вообще-то, – продолжала Даша, – где видно, что у вас дельфинарий? Ни плакатов, ни объявлений!» – «Серёжа, пропусти, – распорядился директор и объяснил девушке: – Это мой администратор». Антон Сёмин заспешил к воде и на краю бассейна стал раскладывать сверкающие приборы. Ему из бассейна, в окружении двух дельфинов, приветственно помахал рукой спортсмен, полностью одетый в гладкий синий костюм. Даша подумала – значит, давно знакомы. И полюбовалась: за бассейном, ряд за рядом, под куполом прозрачной крыши возвышались скамейки с десятком зрителей, ожидающих представление.

Директор поднялся на трибуны, не своя с Даши внимательных глаз – только бы не отказалась! Девушка лёгким шагом прошла вдоль бассейна, возбудив дельфинов – они завертелись, запрыгали, щедро окатывая брызгами спортсмена, лавирующего между ними. Неожиданно Даша сбросила платье и, оставшись в ярко-жёлтом купальнике, нырнула в воду. Выскочила рядом с парнем, засмеялась, назвала себя. Парень немедленно отозвался: «Я Сашка! А это мои друзья, – он ласково погладил справа и слева дельфинов. – Это Волчок (представленный закрутился на месте, подтверждая точность своего имени), а это Кузя (Кузя радостно закивал клювастой головой и заплескал плавниками)». Даша предложила – давайте играть! Где мяч? Где обруч? Саша мгновенно доставил то и другое, Волчок подцепил мяч носом, а Кузя набросил обруч на себя. Директор на трибунах ударял в ладоши громче всех и уже не сомневался – девушка завтра же подаст заявление о приёме на работу дрессировщиком. И почти угадал! Она не стала откладывать на завтра, попросила оформить сегодня же. Но официально, в кабинете директора, невозможно выставила условия: нужна музыка и громкоговорители – дельфины будут танцевать, для начала – вальс, польку, краковяк; в обязательной программе спортивные игры – водное поло, баскетбол (поскольку на воде, лучше назвать дельфинболом); нужна реклама на щитах и на телевидении; трибуны для зрителей необходимо расширить, сидений с одной стороны слишком мало; каждое представление – не более двух часов; в день – два, а то и три представления; и ещё – без хорошей охраны не обойтись. Иначе не будет порядка и прибыли. А значит – и заработка. Директор диву давался – откуда у девушки такая практичность? Конечно же, обещал исполнить все её пожелания, бизнес должен развиваться! Незамедлительно заказал по телефону бригаду строителей. Вернулся к Сёмину, стал дотошно выпрашивать, когда ждать результатов исследований. Жутко сомневался – уж больно прост этот мужичок, никак не похож на учёного.

А Даша в Антоне Сёмине несколько не сомневалась, особенно после того, как он назвал настоящие имена Волчка и Кузи – Ою и Ёи... Когда Даша решила проверить и произнесла эти сокровенные для дельфинов звуки, они, было похоже, сошли с ума: защебетали, засвистели, заголо-

сили, стали набрасываться, пытаются плавниками обнять. Даша успела выскочить из воды на твёрдую поверхность, дельфины кинулись за ней, едва ужомонились. Реакцию сильных морских животных видел Антон, он бросился на помощь, и к счастью, всё обошлось. Учёный стал оправдывать детей океана: они – из благодарности, сдержать себя не могут. Это не нападение, а восторг! Поведение дельфинов обсуждали и за чашкой чая, когда растроганная девушка пригласила Антона к себе домой, и потом, при встречах в дельфинарии. Даша относилась к новому знакомому с полным уважением, не чувствуя с его стороны ни малейшей агрессии. И однажды, после дневного представления, во время свободного плавания дельфинов, поскольку спать они не умеют, возбуждённый Антон позвал Дашу к своей аппаратуре. Один из дельфинов, Волчок, безостановочно говорил. Но что он говорил! Только черствый, бесчувственный останется равнодушным. Даша удобно устроилась на складном стульчике, любезно предложенном Антоном, надела наушники. Налетели помехи – шорох, бульканье, свист, но через секунды, как очистительной прозрачной волной, их смыли жаркие, энергичные слова: *«Даша, дорогая, милая, хорошая, мы рады, что ты слушаешь нас, мы тебя видим, любимся тобой, мы, дети океана, пленённые человеком, особенно чувствуем красоту души! Не все такие, как ты, доброта и разум не стали всеобщим законом, поэтому и мы в неволе, и человек способен на преступления...»* Волчок в своей речи похвалил скромного Антона, которому расчетливая подруга наставила рога, он с тех пор один, окружающие его не чувствуют, не понимают; спасает жителя земли не только наука, но и дельфины – высокоразвитые существа, рождённые для радости и благоденствия. Плохо отозвался Волчок о лысом Сергее, администраторе дельфинария – ворует и употребляет опасную жидкость! – и особенно о директоре, даже предупредил – будь осторожна, берегись этого хитрого Михаила Аркадьевича. Но совсем не бойся добряка Матвея и Сашки-спортсмена, посмотри, какая у него подруга, она постоянно сидит на трибунах, переживает за него... В откровениях Волчка вдруг зазвучала горькая просьба о спасении: *«Даша! Только ты можешь устроить побег, мы знаем – ты наша надежда, наша долгожданная удача. Мы не виноваты, мы так созданы, такими нас сделал океан, мы должны двигаться, лететь, спешить на помощь, нам нужен простор, волны, ветер! А здесь, в тесной клетушке, мы погибнем! Даша, спаси!»* Девушка удивилась: она бы, может быть, и помогла. Но как убежать дельфину из закрытого бассейна, за тысячу вёрст от морей?.. Странно, нереально. Но Волчок настаивал и настаивал.

Даша сняла наушники, повернулась в сторону бассейна и высоко вознесла сомкнутую ладонь с большим вздёрнутым вверх пальцем. Волчок и Кузя высунулись из воды, закружились в благодарном танце. А через час состоялся спектакль для публики с небывальым успехом. Такой слаженности в движениях, такого искусства на воде ещё не видели, морские животные угадывали на лету малейшие движения спортивного наставника и творили чудеса. Оглушительный успех – радуйся, и только! Но в душу закралось беспокойство, оно-то полноценной радости и мешало. Прежде всего непонятная, нереальная просьба Волчка. Плюс возросшая симпатия директора дельфинария – он вдруг подарил девушке букет гладиолусов, будто за успехи в работе, и попробовал напроситься в гости. Надо же – при наличии красавицы жены и пятилетней дочери! Дашу вокруг пальца не обведёшь, знает – чем дарения обернутся. В крайнем случае, она и пощёчину влепит, и придумает что-нибудь посерьёзней. А вот Антона, доброго товарища, не виляющего душой, она пригласила, уже второй раз, обсудить неосуществимые желания дельфинов. Антон принёс новую запись, на этот раз Кузи, или Ёи: Кузя прославлял Индию, где запрещено держать дельфинов в неволе. Как не высказать сострадание к пленникам морей, ведь дельфины – существа особые, кое в чём даже превосходят человека. Но реально ли им помочь?

Антон сказал, что теоретически в этой жизни всё возможно, нужно надеяться и фантазировать. Разошлись с печалью, но договорились вида не показывать и думать, думать. Шли дни, дельфинарий, кроме самих дельфинов, глубинных страданий не замечал, Даша репетировала, танцевала, Сашка виртуозно помогал; Антон записывал разговоры с танцорами, ему удалось заинтересовать телевизионщиков и дать интервью с Волчком в переводе на земной, понятный язык. Волчок рассказывал о невероятных способностях своих сородичей, умнейших жителей океана, они могут не только стремительно плавать, но и видеть в полной темноте, слышать, казалось бы, неслышимые звуки, и самое главное – угадывать добро и скрытое зло. Директор после такой передачи благодарно похлопал Антона по плечу, он предвкушал славу, хорошие доходы и, как никогда, был уверен в победной любви, которая разгоралась всё жарче, – любви к Даше Громовой.

В победной любви – к дельфинам! – был уверен и Антон Сёмин. Не прошло и недели, он шепнул Даше на утренней репетиции, что есть одно соображение, нужно обсудить. Даше откладывать не хотелось, но возле бассейна назойливо слонялся лысый Сергей, да и рядом проверял качество воды сантехник Матвей – могут услышать. Сашке тоже сообщать пока не следует. Что ж, поговорим потом, после первого представления, в удобное обеденное время. Но когда отплясали, отыграли положенный по программе дельфинбол, директор спустился к воде и объявил: сегодня все сотрудники, включая охранников и учёного, обедают в ресторане «Заря» – в банкетном зале на десять персон накрыт стол, добро пожаловать! Это был неожиданный жест со стороны хозяйина дельфинария, спасибо, но в честь какого события? Впрочем, не всё ли равно, в своё время будет известно. Ресторан «Заря» находился неподалёку, договаривать никого не пришлось; расположились за длинным столом шумно, весело. Михаил Аркадьевич, в новом чёрном костюме, непривычно надушенный «Белой сиренью», рассадил сотрудников самолично: справа и слева – укротительница Даша и кассир Вера, рядом с Верой её отец – администратор Сергей, а рядом с Дашей – Сашка и Антон Сёмин. Грузный сантехник Матвей в светлой футболке и бухгалтер Петрович в пёстром вязаном свитере оказались напротив друг друга рядом с двумя рослыми парнями из охраны. Хозяин распорядился наполнить бокалы шампанским и произнёс речь. Извинился, что алкоголя только три бутылки, и то лёгкого, ведь рабочий день не закончился, впереди два спектакля. Большой банкет впереди! А сейчас нужно отметить огромный вклад несравненной укротительницы морских животных Дарьи Андреевны Фроловой в процветание дельфинария. Есть несомненная заслуга и Сашки, но без Даши он совершенно не смотрится. А вместе они творят чудеса. Творит чудеса и знаменитый очкарик Антон Сёмин! Благодаря ему мы услышали голоса дельфинов, узнали, о чём они думают, как относятся к тем, кто их кормит и поит, кто ежедневно доставляет из супермаркета «Океан» свежую рыбу. Да и как прославленный трудовой коллектив мог бы существовать без своевременного начисления зарплаты, без Петровича, без кассира Веры, без строгого администратора Сергея! Без усилий Матвея по очистке воды! Без доблестной охраны!.. «Ура!» – первым не выдержал Сергей и чуть ли не залпом влил в себя содержимое фужера. Загомонили, зазвенели фужерами, приступили к борщу. Слово попросил Антон Сёмин. Он встал, не спеша поправил на носу очки, извлек из внутреннего кармана куртки сложенный вдвое журнал. «Особая благодарность, – с чувством сказал он, – братьям нашим меньшим! Волчок и Кузя – без преувеличения, гениальные существа. Они могут всё! Уверен, победили бы в любых соревнованиях. Вот журнал, в нём информация: на берегу Чёрного моря, в Анапе, проводится фестиваль – дельфины показывают таланты, кто победит! Я уверен, если бы не так далеко, Волчок и Кузя были бы первыми!» Журнал пошёл по кругу, стали обсуждать: да, далекоовато... Конечно, победили бы! Сколько езды – не меньше суток? Нет,

без воды не выдержат. А какая бы реклама была! Михаил Аркадьевич покрутил журнал в руках, подвёл черту: «Дельфин без человека – ноль без палочки. Без вас он ничего не стоит. Думайте о себе! Кушайте, допивайте и помните – впереди работа!»

Вышли из ресторана возбуждённые, слегка навеселе. Михаил Аркадьевич от Даши не отставал, сыпал комплиментами. Девушка всё же успела сказать Антону: «Очень жаль, что не поблизости». Музыка, игры на воде размыли в Дашиной памяти его слова, но информация о фестивале крепко зацепила хозяина – он же не обыватель, а крутой бизнесмен! В конце рабочего дня вызвал любимую дрессировщицу в свои апартаменты и поинтересовался: поедет ли она в Анапу вместе с дельфинами? «Я без сомнения поеду, а они-то как?» – «Так же, как прибыли сюда – в специально оборудованной фуру!» Вот так поворот! Вот так журналичик в руках Антона! Даша подскочила к директору, благодарно обхватила за широкие плечи. «Обязательно поеду! Не сомневайтесь!» Михаил Аркадьевич растрогался, вскинул руки для ответных объятий, но не тут-то было – девушка ускользнула пошустрей ящерицы. Итак, началось! До заявленного фестиваля оставалось всего ничего – одна неделя. Хозяин позвонил в Анапу, сообщил о своём участии, заказал фуру, специалистов, способных соорудить в кузове два мини-бассейна, купил мощный холодильник для хранения рыбы; издал приказ о создании бригады обслуживания морских животных на время поездки – в неё вошли дрессировщица Дарья Фролова (отвечает за балетно-спортивную часть), Сашка, или Александр Волков (отвечает за уходом животных, своевременное кормление), сантехник Матвей Кузовкин (отвечает за круглосуточное обеспечение водой), администратор Сергей Хмуров (отвечает за общую организацию поездки), Антон Владимирович Сёмин (отвечает за сбор материалов для телевидения). Волчок и Кузя, выражая благодарность, заполонили аппаратуру бульканьем и свистом, наперебой сообщали о готовности к трудному путешествию. Через три дня фура и легковая машина сопровождения двинулись в путь. Легковушку с членами бригады вёл Сашка, а машину с дельфинами шофёр автохозяйства по договору.

Езда оказалась не из лёгких. Каждые шесть часов останавливались для короткого отдыха и перекуса в дорожных кафе. Сашка и Даша кормили дельфинов, всячески их успокаивали – потерпите, милые, немного осталось; а Матвею с помощью прихваченного шланга, возле Спортивного комплекса у дороги, удалось частично обновить воду. Однако намучались изрядно и через сутки, по инициативе Сергея, устроили большой привал. Сашка пытался возразить – до моря рукой подать, поедем, но администратор и слушать не хотел – заказал в дорожной гостинице ужин на всех и выпивку. Даша и Сашка от ужина отказались, к ним присоединился и Антон, а Матвей и водитель фуры, могучий парень лет тридцати, твёрдо уселись и стали разливать водку. Что делать? Даша с помощником вернулись к машинам, с ними и Антон. «Волчку и Кузе плохо, нужно спешить», – вздохнул он. Даша строго спросила у Сашки: «С фурой справишься? Поведёшь?» – «Справиться-то справлюсь...» – неуверенно ответил он. «Дельфинам плохо! – возмутился Антон. – Слышишь – они плачут! Кто будет спасать?» Сашка всё понял, поднялся в кабину фуры, пригласил остальных. Мотор завёлся сразу, без осложнений, тяжёлая машина вышла на трассу и взяла курс на море. Часа через полтора беглецы увидели тёмно-синюю кромку воды, асфальт потянулся вдоль берега. Даша попросила Сашку не спешить, стали внимательно высматривать удобный спуск. Обрывы не заканчивались; Антон предложил остановиться, открыть фуру и, насколько возможно, двигаться задним ходом – дельфины сильные, сами выпрыгнут, была бы безопасная глубина. Осторожно подкатили к самому краю и закричали: «Прощайте, друзья! Не забывайте нас!» Волчок и Кузя тонко-тонко, по-детски заголосили, вскинулись над своими мини-бассейнами и бесстрашно нырнули вниз головой. Их плавники ещё долго были видны на поверхности

моря, а когда исчезли, Даша размазала по лицу наворачнувшиеся слёзы. В скорбном молчании сели в машину и вернулись на трассу. В дорожной гостинице обнаружили сладко спящего администратора и других членов бригады, которые о происшедшем даже не догадывались. Наконец, узнали, и заспанный Сергей с воплями вызвал полицию.

Отважную тройку арестовали, был суд. Больше всех бушевал хозяин, требовал для негодьяев тюрьму с компенсацией всех утрат и расходов. Однако суд присяжных, услышав плач дельфинов в переводе на понятный язык, признал виновными администратора (черным по белому написано – за всё отвечает он), сантехника (не обеспечил водой – животные погибали) и водителя фуры (нарушил требования по договору). Кроме того, за пьянство в рабочее время им присудили немалый штраф... Даша в законный, обоснованный вердикт даже не поверила – они свободны, не может быть! В счастливом порыве призналась Антону: «Если бы ты предложил выйти за тебя замуж, я бы согласилась». Антон пылако отозвался: «Предлагаю! Выходи! Но ты не согласишься...» – «Не выдумывай! Или не хочешь? Так и скажи». – «Послушай. Я утаил... Наши дельфины погибли. Это ужасно. Когда нас арестовали, они кинулись к нам на помощь. Понимаешь – нас спасти! Бесполезно, наивно, но кинулись, так уж они устроены. И выбросились на берег!» Даша вздрогнула, глухо произнесла: «Значит, Волчок и Кузя погибли? Значит, всё было напрасно?» – «Благодаря им, мы с тобой встретились – разве это напрасно?» – «Верно, не напрасно! И я точно знаю: скорбную весть ты утаил не просто так – не хотел огорчить... Меня!» – «Да, не хотел. А сейчас очень хочу тебя обнять!» Даша приблизилась к Антону и прошептала: «Нет, наши дорогие дельфины погибли не зря!

ОКНО НАРАСПАШКУ

Рассказ

*Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?*

А.С. Пушкин

Давненько он не был на своей малой родине – больше пятнадцати лет. И хотел навестить, и намечал сроки, да всё мешала затянувшаяся болезнь жены. Сопровождал женщину по больницам, ухаживал, ублажал, как мог. Прошлым летом здоровье мученицы оборвалось, и поселилась она навечно на Серафимовском кладбище. А самому-то Сергею Михайловичу Гаврилову, старейшему художнику Петербурга, исполнилось восемьдесят, дети и внуки поразъехались, остался он в опустевшей квартире один. Горе большое, однако, не отчаялся, не запил, ушёл с головой в любимое дело – выезжал, как в былые времена, на этюды на Карельский перешеек, стал чаще навещать Союз художников, уж здесь-то были и выставки, и обсуждения новых работ, и дыхание огромного города. Вполне естественно, в подсознании малая родина жила всегда и вдруг остро дала о себе знать. Не раздумывая, позвонил в Нижний Новгород Шуручке, двоюродной сестре, у которой ещё оставалась своя изба в Пригожино. Ведь он сам родился в этом селе, учился в школе-семилетке, жил до пятнадцати лет. Собственный дом Гавриловых сгорел от молнии, а изба тёти Вали, маминой сестры, стоит до сих пор и принадлежит теперь Шуручке. Шуручка, услышав просьбу Сергея пустить в деревенский дом на несколько дней, неуверенно согласилась: «Если сейчас, то поезжай. Там сын Володька. Только запомни: печку топить нельзя, развалится. Через неделю приеду сама». Разрешение получено, этюдник с красками и грунтованным картоном собран, можно и в доро-

гу. Съездил на кладбище, простился с женой на недельку, рано утром на Московском вокзале сел в «Сапсан». Через восемь часа вышел в Нижнем. К Шуручке заезжать не стал, сразу – на автостанцию. Успел на дневной автобус, проходящий через Пригожино. Складывалось, как нельзя лучше! А поездка по холмистой равнине через поля, перелески, с видами на просторы и белоснежные облака внушала уверенность в предстоящей удаче – он несомненно напишет что-нибудь яркое, необычное. Если и не напишет, просто подышит свежим родным воздухом, отдохнёт душой.

К вечеру добрался до Пригожина, порадовался – как повезло! Здоровак Володька и его миниатюрная жена Катюша собрались уезжать – укладывали в «жигулёнок» сумки. Получив ключи и весёлое пожелание счастливо оставаться, Гаврилов по хлипким ступеням поднялся в избу, осмотрелся. В коридоре на газовой плите заметил грязь и цветастый чайник; заглянул в комнату, скинул с плеча ремень ощутило потяжело этюдника, бережно устроил всю ношу в углу; за холодильником обнаружил хорошо знакомый диван, прикрытый скотканным одеялом, а дальше, у окна, – кривоногий стол и два плетёных стула. Вернулся к печке – она побелена, опасные трещины где-то внутри. Попался на глаза старый крепкий табурет. Гаврилов сел, стал разминать уставшие ноги. Теперь – в магазин за продуктами, чтобы ужин сотворить, непременно зайти к соседям – они рядом, знаменитые на всё село Поля и Воля. Он бывший тракторист, она типичная «колхозница». Им по девяносто! Милые люди, неустанные труженики. Гаврилов, естественно, предположил – прежде всего, он и Валентин, как много лет назад, посетят кладбище, уберут на родных могилах сорняки. Так будет правильно: сначала навестить, ужин потом!

От избы к избе ведёт, спотыкаясь, заросшая тропинка, зарывается под крыльцом у закрытой двери с верёвочкой – потяни на себя и заходи. Но Гаврилов, как положено, негромко постучал, прислушался. Тихо. Постучал ещё раз, посильней. Послышалось неуверенное шлёпанье, дверь отворилась, на пороге застыла Поля. Она узнала, приобняла: «Здравствуй, Серёжа!» С радостью посмотрели друг на друга. В душе Гаврилова печальное удивление – погасшая мозаика, сотворённая морщинами, заметно изменила красивое лицо сильной женщины. Но сразу подумал: есть что-то выше печали – выцветшая островками кожа подчёркивала самое главное – молодую синь нестареющих глаз. И ещё что-то, похожее на мудрость и трудный жизненный опыт. Не это ли он, художник, искал всю жизнь? Не это ли его главная находка? Старушка Поля повела в дом, нетвёрдо вышагивая и как бы извиняясь: «Ты уж прости, что не так. Я теперь одна, Воля мой с весны под крестом отдыхает. Упокоили напротив ворот, пойдёшь своих навещать, увидишь. Заодно и сынкам моим поклонись. Сама-то я плохо двигаюсь...» Гаврилов смутился, застыл: «Пусть земля ему будет пухом...» Положил на стол самую большую, что нашлась в магазине, шоколадку (без гостинца нельзя!) и поспешил, пока не стемнело, на кладбище. Пообещал прийти завтра к обеду.

Заметно смеркалось, но успел навестить и деда с бабушкой, и маму Шуручки – тётю Валу, и славного тракториста Валентина, и его сыновей, которых знал ещё детьми. Вернувшись, наскоро пожарил яичницу с колбасой, запил чаем и завалился на диван, пока не проснулся от петушиных песен на Полином дворе. Всухмятку позавтракал, этюдник на плечо – и «на охоту». Шёл за пейзажем, а думал о предстоящем портрете. Да, это серьёзно. Полины глаза так пронзили, даже неистовая синь приснилась; ему показалось, что он, как никогда, «заболел» портретом, со всех сторон осмысливал композицию, в динамике, в красках. Но этого, он считал, мало – нужно думать, хорошенько присматриваться к изменившейся жизни... Шёл, останавливался. Вот здесь была изба, теперь её нет, но, поди ж ты, ветла осталась! Большая, однобокая. Когда-то мальчишкой он её рисовал. Хорошо получилось! Подошёл какой-то мужик, похвалил, попросил рисунок на память. Помнится, Поля с подойником

шла мимо, ей тоже понравилось. Ну и что? Подарил мужику рисунок, а Поля сказала: «Зря подарил. Ему-то зачем? Хранить не будет». Права была Поля: хорошая работа пропала. Запомнился и такой случай – бежал мальчик Серёжа по просёлку, торопился на концерт приезжих артистов, и тут его остановила Поля, попросила послушать. Кто-то возле избы Тарасовых пел про одинокую гармонию. «Нравится?» – спросила Поля. Удивлённый Сергей восторженно ответил: «Очень! А кто это?» – «Виталик. Он инвалид, плохо ходит, зато слышишь, как поёт!» Не затерялась в детстве и фантастическая доброта Поля. На эту поляну в пятидесятые годы выносили столы, ставили на них сепараторы – для перегонки молока в сливки. Сливки увозили в район, а оставшийся обрат скармливали животным. Ручку сепаратора крутила Поля. Неподалёку дед Василий и мальчишка Сашок занимались распиловкой дров. Все знали – Сашок был какой-то необычный, ко всем приходил, всем помогал, фантазировал о хорошей жизни. Поля, заметив его, налила в стакан сливки, мальчику поднесла. Сашок был на седьмом небе, а на Полю зашушукали. Случай этот запомнился Гаврилову ещё и потому, что Сашок, когда вырос, из охотничьего ружья застрелился. Жуткая история, но так бывает, если человек, ожидающий сказку, её трагически не находит... Вспоминать можно много, и не обязательно с плохой стороны. О смерти после ухода в иной мир жены он старался не думать. Если живёшь, думай о живом, мёртвое болото ничем не поможет, только засосёт.

Гаврилов шёл к речке, настраивался на живопись, ему приятно было осознавать, что художником он стал именно здесь, в Пригожино. Михаил Васильевич, его отец, вернулся с войны покалеченным, болел, частенько наведывался в Нижний – к врачам и за лекарствами, навещал брата (тот и настоял о переезде всей семьи в город). Отец заметил пристрастие Сергея к рисованию. Однажды привёз подарок – красочную книгу-альбом с рисунками Аркадия Александровича Пластова. Вручали торжественно, всей семьёй. Особенно радовалась мама – она, учительница, больше всех понимала важность момента. Мальчик с головой погрузился в рисование, восхищённо присматривался: неужели так можно изобразить – вода в роднике настоящая, звенящая, берёзы шелестят солнечной листвой, на лугу слышно, как звенят косы! И люди – такие же, как в Пригожино, и мальчишки – смелые, озорные! Впоследствии, когда Сергей узнал о художниках больше, он высоко оценил и Ренуара, и Грабаря, и Валентина Серова, да всех ярких мастеров кисти, но предпочтение отдавал Ивану Шишкину (никто так трогательно не показав русскую рожь под русскими соснами) и, конечно же, Аркадию Александровичу Пластову (он с такой любовью рассказал о русском селе середины двадцатого века). Высокое, достойное творчество. Но есть ещё один уровень мастерства, самый недостижимый, самый трудный. Импрессионисты как бы купались в красках, в свете, человек у них был на втором месте, его по существу не замечали. Вот у Серова – девочка с персиками. Кто она, что она? На полотне не отражено, зато безукоризненно изображён солнечный свет, заливающий комнату. Художники научились показывать эмоции – страх, злость, вспышки радости, а глубинная мудрость, человеческая доброта, тяжкий опыт остаются от глаз людских скрытыми. Вот он, этот недостижимый уровень творчества! Гаврилов, кажется, приблизился к нему, желая лишь одного – сосредоточиться на возникшем образе.

Возле речки, заросшей ивняком, Гаврилов осмотрелся и решил свернуть направо. Над изумрудными прядями густых кустов возвышался пологий холм, на котором когда-то огромными крыльями размахивала ветряная мельница. Они с дедом Василием привозили сюда на помол зерно, вставали в очередь, телега за телегой, и часами ждали, когда можно занести мешок и полюбоваться помолом. Тяжёлые жернова крутились медленно, стараясь перетереть каждое зёрнышко, и струйка готовой муки стекала слишком неторопливо. Такой и запомнилась эта

ушедшая в небытие мельница. Запомнилась так, что художник Гаврилов задумался: как использовать характерную деталь из прошлого для современного портрета. Хорошо найденная тропа привела к ещё одному воспоминанию. Когда-то на этой земле, истоптанной копытами животных, колосилась, как на полотне Ивана Шишкина, густая рожь. А позже, осенью, когда Сергей Гаврилов, студент художественного училища, приехал в родное село с этюдником, здесь была пашня, трактор и живописный тракторист Валентин. Работягу долго пришлось уговаривать выключить мотор, посидеть без движения. Наконец он согласился, и получилась картина, которую после затащали по выставкам. Запомнился и душевно проведённый вечерок у Поли и Воли, где познакомился с малышом – первым сыном Валентина. А потом случилось такое, что вычеркнуть из памяти нельзя. Валентин сидел у окна и заметил: «Гляньте-ка, зареченские старухи! Идут на кладбище». Сергей удивился: «Сгорбленные, согнутые, как репинские бурлаки!» – «Ты не смейся. Они и есть бурлаки. Всю войну на своих горбах вытаскивали Россию. Отцы наши кровь проливали, а женщины всю мужскую работу на себя взвалили». – «Разве я смеюсь, – нахмурился Сергей. – Об этом рассказать надо...» Но рассказать, то есть перенести увиденное на полотно, так и не сумел. Эскизы получились мрачными, так и висят на стене в мастерской не востребованными. До этой темы, видимо, не дорос. Вспоминалось так отчётливо, так подробно, как будто он побывал здесь вчера, а сегодня вернулся с этюдником – увиденное осмыслить, навеки сохранить в красках для потомков.

Он долго шёл вдоль речки. Приблизился к развалинам барского дома. Если не зарисовать сейчас, то скоро от исторических реликвий не останется и следа – дожди размоют, перетрут, остатки разнесёт ветер. Об этом знает вековуха-берёза с неохватным почерневшим стволом; раскидистая, бодрая, ярко зелёная, она, как будто оберегая, склонилась длинными прядями над остатками погибшего имения. Гаврилов устанавливает этюдник, торопится выдавить из тюбиков краски, зафиксировать удачное освещение – ведь через полчаса свет будет другим. Время летит незаметно, солнце уже над головой; этюд, кажется, удался, обещает развернуться в полноценную картину. Довольный возвращается в село. В мыслях получился и задуманный портрет, но всё ли предусмотрено? Не плохо бы за окном изобразить детскую мордашку, как символ продолжения жизни. Но внуки Поли и Воли взрослые, для символа не годятся, нужно что-то другое. По пути к своей избе, заглянув к Поле, с радостью нашёл это «другое»: вся стенка увешана фотоснимками её сыновей и внуков, лучше не придумаешь. Подтвердил старушке, что зайдёт позже, обратил внимание на её большие узловатые руки (такие рисовал Корин) и отправился обедать. Поставил на газ полупустой чайник (быстрее вскипит) и по свежему впечатлению стал пристрасно рассматривать этюд с «плакучей» берёзой. Кое-где краски пригасил, усилил солнечный свет, подчеркнул развалины. Проверил готовность этюдника к следующему выходу, собрал на выброс использованные тюбики и тряпки. Вдруг из кухни потянуло гарью. Гаврилов встрепнулся – там же чайник! Кинулся к плите, выключил газ, ужаснулся: цветная металлическая посуда в коричневых пятнах. Что делать? Воды нет залить раскалённый металл. На улице рядом с асфальтированной дорогой торчит водопроводная колонка. Гаврилов поспешил туда, подвесил пустое ведро. Густо хлынула коричневая жижа – значит, водопроводом не пользовались давно. Дождался посветлевшей струи. Ладно, какая есть. Но сожжённым чайником пользоваться нельзя. Это значит, надо бежать в магазин. Новый расписной чайник оказался слишком дорогим, едва не оставил без денег на обратную дорогу, но деваться некуда – без чая нельзя, да и обязан возместить утрату. К Поле он пришёл без этюдника, просто поговорить, присмотреться к обстановке, где собирается работать завтра. От крошки отказался («Уже пообедал»), стакан молока выпил с удовольствием.

Поля со вздохом призналась, что не держит корову, берёт молоко в селе. Кто-то требовательно постучал в окно, старушка распахнула створки, стала сердито выговаривать: «Уходи, бесстыдник! Я не миллионер! У Сергея тоже нет!» Когда постучавший ушёл, объяснила: «Известный алкаш, молодой, здоровый, нагло требует двадцать рублей на пузырьрёк. В аптеке лекарство такое, на спирту, самое дешёвое. Мне его жалко, работы никакой.» Гаврилов стал расспрашивать – кто он такой, этот алкаш; попросил оставить окно открытым и возле него сесть на стул. Завтра он, художник, придёт с этюдником и будет рисовать. Поля всполошилась: «Ой, какая я красавица, было, да спыло, только позориться на весь мир!» Гаврилов успокоил, объяснил: «Я себе на память, не возражаешь?» – «Ну, если на память, ладно, посижу, о жизни поговорим».

На следующий день, к удовольствию Поля, когда она, накинув на плечи цветастый платок, удобно устроилась у окна, потекли воспоминания о далёком и не очень далёком прошлом. Прежде всего заговорила о маме – уж такая была строгая, умелая, всё на свете знала, певунья! Такую маму нельзя было ослушаться – не накажет, да перечить опасно. Сказала – на дойку, иди доить, сказала – помыть полы, иди и скреби добела. Жениха она Поле нашла. Девушка как услышала имя, спряталась за сундуком в чулане. Но разве от судьбы спрячешься! Да и не надо было прятаться, мама в самый раз угадала – свела воедино Полю и Волю. Семья получилась всем на зависть, надёжная, крепкая. К мужу на пахоту обед несла, он на праздники если не платок, то обязательно какую-нибудь безделушку подарит. а то, смущаясь, принесёт букетик ромашек или лесных колокольчиков. Детей Валентин любил – в свободную минуту на лужайке забавлялся, вырезал им разных зверьков, а в школу пошли – следил за уроками, чтобы все задания выполняли. Сыночки выросли хорошими, дружелюбными, любили трудиться. Сашка, старший, пошёл по стопам отца – стал трактористом, Лёнька – шофёром. В своё время женились, детишки пошли. Но разве от друзей уберёжешься – Сашка на какой-то гулянке перебрал, вот и сломался. У Лёньки, как выяснилось потом, болело сердце. Поля подробно рассказывала, Гаврилов работал кистью, слегка кивал, иногда задавал вопросы. До полудня перебрали всю прошлую жизнь. Гаврилов был доволен: подмалёвок сложился. Поля предложила отдохнуть – она сварила щи с тушёной. Он не стал отказываться. Перешли на кухню. Потом вернулись на часок к открытому окну. Поля вспомнила бабку Калинкину, спросила: «Как ты к ней относишься?» Гаврилов честно ответил: плохо, потому что в избе она держала коз, всё вокруг ими пропахло. Поля согласилась: «Правильно, все обходили стороной. Я тоже. Но ты не представляешь, как я её жалела! Одинокий, никому ненужный человек. Она не чувствовал запаха.» Вспомнили деревенские курьёзы, смеялись и огорчались. Расстались до завтрашнего дня. Поле захотелось взглянуть на своё изображение, но чёткого лица не было – красочная неопределённость не могла заинтересовать; Гаврилов заверил – всё будет завтра. В обещанный день портрет появился, порадовал Полю. Намеченное выполнено, и он может вернуться в город. Позвонил Шурочке – всё хорошо, он возвращается домой, ключи оставит у соседки. Сестра подтвердила, что приедет через два дня, в субботу, строго наказала всё выключить.

Вернувшись в Петербург, Гаврилов загрузился в супермаркете продуктами, купил холст на подрамнике метр на восемьдесят, выключил мобильник и закрылся в мастерской. Разрозненные заготовки стал увлечённо переносить на единое пространство, придумал название – «Окно нараспашку». Через две недели непрерывной работы получил то, что задумал. В центре крупным планом – почти мозаичное, в морщинах, лицо старой женщины, её мудрые, много повидавшие глаза смотрят прямо на тебя; на коленях отдыхают крупные, перевитые венами руки; слева над головой – весёлые фотоснимки детей и внуков, справа – открытое окно, за которым в солнечном свете можно рассмотреть плачущую берёзу, ве-

тряную мельницу и пшеничную ниву. Осталась техническая доработка, через месяц, пожалуй, картина будет завершена. Можно подкупить продукты, навестись в Союз художников. Включил мобильник, позвонил Шурочке. Такого гнева не ожидал, она кричала: «Ты что наделал? Газ не выключил! Свет не выключил! В комнате лужа, из холодильника потекло! Всё, ключи больше не получишь». Гаврилов расстроился – таких интонаций за всю жизнь не слышал. Как же так? Уходя, он каждую розетку проверил. Только теперь догадался: с холодильником нужно было разобраться заранее, чтобы оттаявшее протереть, а у электричества и газа есть ещё выключатели на улице.

Неизвестно, что на художника повлияло – может быть, скверное настроение, а может, повышенное требование к самому себе, – взглянув на почти законченное полотно, он вдруг разочаровался. Что было в замысле? Показать, что минувшее естественно переливается в будущую жизнь. А где это будущее? За окном – только прошлое: ветряная мельница, над развалинами древняя берёза, нива, которой теперь нет... Удалось ли подняться на высший уровень мастерства – показать человеческую мудрость через трудный опыт поколений? Кому из художников это счастье выпадало? Гаврилов ещё раз присмотрелся к полотну: ему нравилось – не глаза, а очи, но («Дорогая Поля, прости!») таких глаз на портретах он видел тысячи. Возможно, получится ещё одна неплохая картина, а что нового, где проникновение в душевную глубину? Не лучше ли, как Репин, как Пластов, просто быть честным летописцем жизни – это и будет лучшим исполнением творческого долга.

Гаврилов вспомнил о веренице согбенных старух, бредущих на кладбище, и слова Поли: «Они и есть бурлаки! Всю войну на своих горбах вытаскивали Россию!» Вот чем надо заняться, пока время не унесло в забвение настоящих героев! Спасительным мыслям он откровенно обрадовался и поспешил снять со стены старый, почти забытый этюд.